

УДК 347.131.222(575.2)
DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-7-141-146

ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СПЕЦИФИКА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Ч.А. Туратбекова, С.В. Коновалов

Аннотация. Исследуются теоретические и практические аспекты исковой давности в законодательстве Кыргызской Республики, раскрывается правовая природа данного правового института и анализируются особенности судебной практики, складывающейся при его применении. Авторы уделяют особое внимание правовым коллизиям, возникающим при исчислении сроков давности, а также условиям и основаниям их приостановления, перерыва и восстановления. Научная значимость статьи заключается в выявлении проблем и пробелов законодательного регулирования, а также в разработке рекомендаций по совершенствованию правоприменительной деятельности. Практическая ценность представленных выводов и предложений заключается в содействии судопроизводству путем формирования единообразного подхода к защите гражданских прав и интересов участников оборота, что способствует укреплению законности и правовой определенности.

Ключевые слова: исковая давность; правовая природа исковой давности; сроки исковой давности; защита нарушенных прав; применение исковой давности; порядок исчисления срока исковой давности; истечение срока исковой давности; приостановление и перерыв течения сроков исковой давности.

КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН МЫЙЗАМДАРЫНДАГЫ ДООНУН ЭСКИРИШИ: УКУК КОЛДОНУУ ПРАКТИКАСЫНЫН УКУКТУК ТАБИЯТЫ ЖАНА ӨЗГӨЧӨЛҮГҮ

Ч. А. Туратбекова, С. В. Коновалов

Аннотация. Макалада Кыргыз Республикасынын мыйзамдарында доонун эскиришинин теориялык жана практикалык аспектилерин изилденет, укуктук институттун укуктук табияты ачылат жана аны колдонууда пайда болгон сот практикасынын өзгөчөлүктөрү талданат. Авторлор эскирүү мөөнөттөрүн эсептөөдө пайда болгон укуктук коллизияларга, ошондой эле аларды токтотуунун, тыныгуунун жана калыбына келтирүүнүн шарттарына жана негиздерине өзгөчө көңүл бурат. Иштин илимий мааниси мыйзамдык жөнгө салуунун көйгөйлөрүн жана кемчиликтерин аныктоодо, ошондой эле укук колдонуу ишин өркүндөтүү боюнча сунуштарды иштеп чыгууда турат. Берилген тыянактардын жана сунуштардын практикалык баалуулугу жарандык укуктарды жана жүгүртүүгө катышуучулардын кызыкчылыктарын коргоого бир түрдүү мамилени калыптандыруу жолу менен сот өндүрүшүнө көмөктөшүүдө турат, бул мыйзамдуулукту жана укуктук ишенимдүүлүктү чыңдоого өбөлгө түзөт.

Түйүндүү сөздөр: доонун эскириши; доонун эскиришинин укуктук мүнөзү; доонун эскирүү мөөнөтү; бузулган укуктарды коргоо; доонун эскиришин колдонуу; доонун эскирүү мөөнөтүн эсептөө тартиби; доонун эскирүү мөөнөтүнүн бүтүшү; доонун эскирүү мөөнөтүн токтотуу жана үзгүлтүккө учуратуу.

LIMITATION PERIOD IN THE LEGISLATION OF THE KYRGYZ REPUBLIC: LEGAL NATURE AND SPECIFICS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Ch.A. Turatbekova, S.V. Konovalov

Abstract. The article examines the theoretical and practical aspects of the limitation period in the legislation of the Kyrgyz Republic, revealing the legal nature of this legal institution and analyzing the specific features of judicial practice that have developed in its application. Special attention is given to legal conflicts arising in the calculation of limitation periods, as well as the conditions and grounds for their suspension, interruption, and restoration. The scientific relevance of the study lies in identifying problems and gaps in legislative regulation and developing recommendations for improving law enforcement practice. The practical value of the findings and proposals presented consists in supporting judicial proceedings by establishing a unified approach to the protection of civil rights and the interests of participants in legal relations, thereby contributing to the strengthening of legality and legal certainty.

Keywords: limitation period; legal nature of the limitation period; limitation terms; protection of violated rights; application of limitation period; procedure for calculating the limitation period; expiration of the limitation period; suspension and interruption of limitation periods.

Институт исковой давности занимает одно из ключевых мест в системе гражданско-правовых средств защиты нарушенных прав. Правовая регламентация данной категории сроков в гражданском законодательстве Кыргызской Республики обеспечивает стабильность и устойчивость гражданских правоотношений.

“Под исковой давностью подразумевается определенный период времени, календарная дата или событие, с которыми нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение гражданских правоотношений, то есть срок является юридическим фактом. Сроки в гражданском праве устанавливаются нормативными и иными правовыми актами, судебными решениями или сделками, то есть установление и определение длительности сроков имеет волевое происхождение” [1].

В соответствии со ст. 211 Гражданского кодекса Кыргызской Республики [2] (далее по тексту – ГК КР) исковая давность определяется как срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

Иными словами, это предусмотренный законом период времени, по истечении которого лицо утрачивает возможность осуществить судебную защиту своего нарушенного права.

Исковая давность относится к категории юридических сроков, и ее специфика заключается в том, что по истечении определенного периода времени неопределенность правоотношений устраняется путем ограничения возможности предъявления иска.

Институт исковой давности остается актуальным для теоретических исследований по причине его связи с фундаментальными вопросами правопорядка, динамикой общественных отношений, юридической стабильности, правовой справедливости и защиты прав субъектов соответствующих правоотношений. В условиях постоянных изменений в законодательстве, экономике и технологиях, исследования в этой области помогают адаптировать правовую систему к новым вызовам.

Исковая давность, как правовой институт, традиционно рассматривается в качестве одного из основополагающих механизмов правовой защиты. Наряду с этим, в цивилистической доктрине ведутся дискуссии о материально-правовой или процессуально-правовой природе института давности. Согласно классической концепции, принятой в странах романо-германского права (и унаследованной советским правом), нормы об исковой давности имеют

материально-правовой характер. Они включены в гражданское законодательство и влияют на существование гражданских прав и обязанностей.

Вместе с тем, процессуально-правовая природа исковой давности (statute of limitations) в англо-американской правовой системе обусловлена историческим развитием права прецедентов и принципами, лежащими в основе процессуальной защиты ответчика от чрезмерно поздних исковых требований. В отличие от ряда континентальных правовых порядков, где пропуск срока давности зачастую влечёт потерю права на судебную защиту в материальном смысле, в системе общего права (common law) и права справедливости (equity) исковая давность рассматривается преимущественно как процессуальный барьер. Это означает, что суд не обязан применять сроки давности по собственной инициативе; ответчик должен самостоятельно заявить соответствующее возражение, иначе судебное разбирательство будет продолжено.

По нашему мнению, правовая природа исковой давности имеет комплексный характер. С одной стороны, это материальное право, определяющее продолжительность возможности судебной защиты и условия утраты этой возможности.

С другой стороны, механизм применения исковой давности проявляется в гражданском процессе. Так, вопрос о применении срока исковой давности решается в рамках предварительного судебного заседания, порядок осуществления которого регламентируется ст. 154 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики [3] (далее по тексту – ГПК КР).

В случае установления факта пропуска без уважительных причин срока исковой давности судья принимает решение об отказе в иске без исследования иных фактических обстоятельств по делу (п. 6 ст. 154 ГПК КР [3]), при этом, в мотивировочной части решения суда указывается только на установление судом данных обстоятельств (п. 7 ст. 202 ГПК КР [3]).

Институт исковой давности также играет ключевую роль в механизме признания и приведения в исполнение решений иностранных судов, регламентируемых ГПК КР [4, с. 59]. В этом случае исковая давность выполняет не только

функцию правовой защиты интересов участников гражданского оборота, но и служит важнейшим инструментом обеспечения стабильности правоприменения, особенно в трансграничных правоотношениях.

Согласно п. 6 ст. 432 ГПК КР [3], суд отказывает в признании и приведении в исполнение решения иностранного суда в случае, если срок предъявления такого решения к исполнению истёк и не был восстановлен по уважительным причинам. Данное положение подчёркивает значение сроков давности как критерия допустимости обращения за судебной защитой, а также как средства недопущения злоупотребления правом и нарушения принципа правовой определённости.

Институт исковой давности в данном контексте выступает не только процессуальным ограничителем, но и важной гарантией защиты национального правового порядка. Таким образом, срок исковой давности, будучи элементом процессуального контроля, приобретает статус правовой категории, повышающей степень юридической устойчивости и эффективности механизма трансграничного правосудия.

Правовая природа института исковой давности во многом раскрывается посредством анализа присущих ему функций, каждая из которых отражает специфику и назначение данного правового механизма.

В традиционной доктрине исковой давности выделяют, среди прочего, следующие базовые функции: во-первых, функцию стимулирования своевременной судебной защиты, направленную на предотвращение злоупотреблений правом и затягивания споров; во-вторых, функцию обеспечения правовой определённости и стабильности гражданского оборота, которая способствует укреплению доверия между субъектами правоотношений; в-третьих, функцию баланса интересов, состоящую в гармонизации прав и законных интересов сторон спора с соблюдением разумных временных рамок для их реализации.

В совокупности названные функции позволяют уяснить дуальную природу исковой давности: с одной стороны, она ограничивает период защиты нарушенного права, тем самым гарантируя защиту ответчика от “вечных” требований,

а с другой – стимулирует эффективное и добросовестное осуществление прав истцом. Следовательно, институт исковой давности не сводится к формальному правовому пределу обращения в суд, но и формирует важный механизм поддержания стабильности гражданского оборота, способствуя оптимальному сочетанию принципов справедливости, добросовестности и разумности в правоприменительной практике. Именно через призму выполняемых им функций исковая давность выступает неотъемлемым элементом гражданско-правовой системы, обеспечивая надлежащее равновесие между публичными интересами и интересами участников правовых отношений.

В Кыргызской Республике общий срок исковой давности, согласно ст. 212 ГК КР [2], составляет три года, что соответствует мировой практике большинства государств континентальной системы права. Однако законодатель предусматривает специальные сроки давности для отдельных видов правоотношений, исходя из их правовой природы, общественной значимости и иных факторов. Подобный дифференцированный подход объясняется тем, что разные категории дел предполагают разные риски и разную общественную значимость.

Одним из ключевых вопросов правоприменения является определение момента, с которого начинается течение давности. Законодательство устанавливает, что срок наступает с того момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права.

Судебная практика показывает, что сложность вопроса заключается в доказательстве точного времени осведомлённости. В частности, ответчик, ссылаясь на истечение срока исковой давности, должен представить суду аргументы того, что истец мог узнать о нарушении права значительно раньше того момента, на котором он настаивает. В свою очередь, истец может указывать на обстоятельства, которые объективно препятствовали осознанию им нарушения, либо мешали ему своевременно обратиться за защитой.

Следующим важным аспектом применения исковой давности является институт приостановления и прерывания её течения. Приостанов-

ление возможно в ряде случаев, установленных законом, например, при наличии непреодолимой силы (форс-мажор), которая мешает истцу своевременно обратиться в суд. Перерыв же наступает, когда ответчик признаёт долг, либо истец предъявляет иск к ответчику в установленном порядке.

После перерыва срока, течение давности начинается заново. Понимание и правильная квалификация этих ситуаций имеет важное практическое значение, поскольку неверная трактовка судами таких обстоятельств и неверный отсчет порой приводят к ошибочным выводам о пропуске срока исковой давности.

Вопросы возникают также в связи с невозможностью суда самостоятельно применять исковую давность. Законодательство Кыргызской Республики определяет (ст. 215 ГК КР [2]), что суд учитывает пропуск срока давности исключительно по возражению стороны, против которой предъявлен иск.

Данная норма отражает принцип диспозитивности и автономии воли участников гражданского оборота. Если ответчик не заявляет о пропуске срока давности, суд не вправе отказывать в иске на этом основании. В правоприменительной практике нередко встречаются ситуации, когда ответчик, не будучи осведомлён о своих правах, упускает возможность заявить об истечении срока давности, и суд вынужден удовлетворить иск, который формально подлежал отклонению. Это порождает дискуссию относительно возможного злоупотребления правами со стороны истца и актуализирует задачу повышения правовой грамотности участников процесса.

Анализ научных исследований указывает на необходимость совершенствования законодательства об исковой давности в части более точного определения оснований для приостановления и прерывания срока, а также установления гибких подходов к началу течения давности в исключительных случаях.

Например, в современной зарубежной практике всё более распространённым является концепция “отложенного начала течения давности” (discovery rule), когда срок начинается с момента фактического выявления нарушений, которые невозможно было обнаружить ранее. В условиях

Кыргызстана потенциальная адаптация подобного правила может повысить справедливость в разрешении споров, однако потребует законодательного закрепления и разработки соответствующих правовых процедур.

Пересмотр правил применения исковой давности может стать одним из средств повышения эффективности альтернативных процедур разрешения споров, к примеру, медиации. Так, законодатель может дополнительно закрепить правило, согласно которому на время ведения переговоров о мирном урегулировании или на время проведения медиации, течение срока давности приостанавливается. Данная мера призвана стимулировать стороны к поиску взаимоприемлемых решений без страха утратить возможность судебной защиты из-за формального пропуска давности.

Судебная практика также сталкивается с вопросами о недобросовестном поведении ответчика, который, например, умышленно скрывает от истца факт нарушения права или введение истца в заблуждение относительно действительного характера взаимоотношений. Согласно общему правилу, исковая давность не препятствует истцу обратиться в суд, даже если формально срок пропущен, при наличии доказательств преднамеренных действий ответчика, приведших к такому пропуску. Однако, здесь необходимы чёткие доктринальные и законодательные критерии, чтобы избежать неоправданного расширения исключений, ставящего под угрозу стабильность гражданского оборота.

Важным направлением совершенствования правоприменительной практики в сфере исковой давности является проведение целенаправленной систематизации и анализа судебных актов, содержащих правовые позиции по вопросам применения соответствующих материально-правовых и процессуальных норм. В условиях неоднозначного толкования положений законодательства, регулирующих начало, приостановление, перерыв и восстановление срока исковой давности, возрастает значимость деятельности Верховного суда Кыргызской Республики как органа, уполномоченного обеспечивать единообразие судебной практики.

Указанная функция Верховного суда Кыргызской Республики реализуется, в частности, посредством принятия Постановлений Пленума, разъясняющих ключевые правовые категории и устраняющих пробелы и коллизии в судебном толковании. Так, в настоящее время уже существуют Постановления Пленума, затрагивающие важнейшие правовые институты, такие как защита чести, достоинства и деловой репутации [5], возмещение морального вреда [6], а также недействительность сделок и добросовестное приобретение имущества [7]. Эти акты служат эффективными ориентирами для правоприменителя и обеспечивают правовую определённость в соответствующих категориях дел.

Вместе с тем, несмотря на высокую правовую значимость института исковой давности, до настоящего времени отсутствует системное Постановление Пленума Верховного суда Кыргызской Республики, касающееся вопросов её применения. Это приводит к фрагментарности подходов в судебной практике, разночтениям в определении момента начала течения срока давности, порядка его восстановления, квалификации действий сторон, направленных на уклонение от исполнения обязательства и др. В результате не достигается необходимое единообразие правоприменения, что, в свою очередь, увеличивает количество споров, подлежащих разрешению в апелляционном и кассационном порядке.

Учитывая изложенное, представляется обоснованным предложение о разработке и принятии Верховным судом Кыргызской Республики Постановления Пленума, обобщающего судебную практику по вопросам применения института исковой давности. Такое постановление должно охватывать как общие принципы и критерии исчисления и применения сроков давности, так и специальные вопросы, возникающие в практике при разрешении конкретных категорий споров (договорных, внедоговорных, корпоративных, наследственных и др.). Принятие соответствующего разъяснения не только укрепит единообразие правоприменительной практики, но и будет способствовать формированию устойчивого гражданского оборота, основанного на уважении принципов добросовестности, законности и правовой определённости.

Актуальной также остаётся проблема применения исковой давности по экономическим спорам, когда речь идёт об обязательствах между хозяйствующими субъектами. Здесь стороны зачастую договариваются об изменении некоторых условий, касающихся давности, что вызывает вопрос о допустимости таких соглашений с точки зрения публичных интересов. Несмотря на то, что законодательство прямо запрещает сокращение сроков давности (ст. 214 ГК КР [2]), на практике стороны могут фактически создавать условия, по-существу эквивалентные отказу от применения давности. Судебная система должна чётко разграничивать подобные случаи и пресекать попытки обхода закона.

Таким образом, специфика правоприменительной практики об исковой давности в Кыргызской Республике определяется совокупностью нескольких факторов: наличием общих и специальных норм, особым вниманием к установлению момента начала течения исковой давности, вопросами его приостановления и прерыва, а также недопустимостью самостоятельного учёта судом пропуска срока. Эта специфика выявляет необходимость дальнейшего развития теории и анализа практического опыта, что позволит совершенствовать как нормы права, так и методику судебных разбирательств.

Значительный научный интерес представляет сравнительное исследование исковой давности в праве других стран постсоветского пространства, а также государств, входящих в международные организации, участником которых является Кыргызстан. Подобное сопоставление может выявить дополнительные пути гармонизации национального законодательства и судебной практики с международными стандартами.

Таким образом, в целом институт исковой давности в Кыргызской Республике сохраняет своё базовое назначение – обеспечить баланс интересов истца, не лишая его права на защиту при отсутствии собственных упущений, и ответчика, который не должен бесконечно находиться под риском предъявления исковых требований за действия, совершённые в отдалённом прошлом.

Для достижения этой цели необходимо укреплять научно обоснованные позиции, совершенствовать законодательство в плане уточнения пределов и особенностей применения

исследуемого правового института, а также продолжать обобщать судебную практику. В итоге это укрепит доверие к судебной системе и позволит участникам правоотношений эффективнее отстаивать свои интересы, соблюдая при этом принципы разумности и справедливости.

Поступила: 30.04.2025;

рецензирована: 15.05.2025; принята: 16.05.2025.

Литература

1. *Порхунов А.Д.* Актуальные проблемы исчисления сроков и применения института исковой давности в гражданском праве / А.Д. Порхунов, В.А. Марканов // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 106-6. С. 82–87.
2. Гражданский кодекс Кыргызской Республики (часть 1) от 8 мая 1996 года № 15. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4/edition/14707/ru> (дата обращения: 23.03.2025).
3. Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 25 января 2017 года № 14. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/4/edition/14707/ru> (дата обращения: 23.03.2025).
4. *Кутуева А.Б.* Признание и исполнение решений иностранных судов на территории Кыргызской Республики / А.Б. Кутуева, В.А. Фудашкин // Вестник КРСУ. 2021. Т. 21. № 11.
5. Постановление Пленума Верховного суда Кыргызской Республики “О судебной практике по разрешению споров о защите чести, достоинства и деловой репутации” от 13 февраля 2015 года № 4. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31683948#pos=0;0 (дата обращения: 11.04.2025).
6. Постановление Пленума Верховного суда Кыргызской Республики “О некоторых вопросах судебной практики применения законодательства о возмещении морального вреда” от 4 ноября 2004 года № 11. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=23014 (дата обращения: 14.04.2025).
7. Постановление Пленума Верховного суда Кыргызской Республики “О некоторых вопросах судебной практики по спорам о недействительности сделок и о добросовестном приобретении имущества” от 24 мая 2019 года № 11. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=38082133#pos=0;200 (дата обращения: 17.04.2025).